

КАТЕГОРИЗАЦИЯ И КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ЗНАЧЕНИЙ ЛИЦА/ПЕРСОНАЛЬНОСТИ ПОСРЕДСТВОМ МЕСТОИМЕНИЯ *wón* В ЯЗЫКЕ ЙОРУБА

О.А. Турбина¹, А.О. Ифатуроти²

¹ Южно-Уральский государственный университет, Челябинск, Россия

² Лагосский университет, Акока, Нигерия

Статья посвящена анализу когнитивно-семиотического статуса местоимения *wón* в системе языка йоруба. Авторы отмечают, что в местоименной парадигме *wón* занимает позицию неэмфатической формы 3-го лица множественного числа в паре с эмфатической формой *awón* и в оппозиции к ней по сути выполняет функцию приглагольного маркера лица, в силу чего в предложении специализируется на выражении грамматической категории подлежащего вне зависимости от объема значения персональности/имперсональности лица-субъекта. Анализ природы и функций местоимения *wón* авторы проводят на основе понятия об объективном логическом лице (универсальном лице) – языковом воплощении обобщенного представления об окружающем мире, включающем все возможные потенциальные объекты живой и неживой природы. В языковом представлении оно репрезентируется через 3-е лицо ('оно'; 'это'; 'некто'; 'все то, что...'), референция на которое определяет не только частеречную категоризацию, но и возможности актуализации языковой единицы в речи. В статье показано, что местоимение *wón* в языке йоруба, включая значение универсального лица, входит в ядро семантической зоны универсального грамматического набора. Авторы указывают на главную особенность местоимения *wón* в языке йоруба, состоящую в том, что оно может быть десигнатором не только определенной или неопределенной группы людей, но и неопределенно-обобщенных, иногда – обобщенно-определенных сил природы, которые в различных жизненных ситуациях могут мыслиться реальными, наделенными властью над человеком существами. В поле категории лица/персональности и в парадигме лиц местоимение *wón* является десигнатором одухотворенных «объективных лиц» в силу того, что оно способно актуализироваться с квази-безличным значением и кодировать одновременно неисчислимое множество окружающих «объектов-лиц».

Ключевые слова: местоимение *wón*, категоризация, концептуализация, номинация, универсальное лицо, принципы реализации универсальных значений

Система местоимений – это результат категоризации пространства, а парадигма личных и приглагольных местоимений – это результат языковой категоризации универсума по оси лица.

Рассуждение о языковой категоризации явлений окружающего мира необходимо начать с разведения и детерминации понятий «категоризация» и «концептуализация» в силу того, что последнее сегодня до сих пор довольно часто употребляется спекулятивно, диффузно и часто синонимично термину «категоризация». Между тем эти понятия имеют существенные различия. «Категоризация» – это процесс отнесения познаваемого объекта к некоторому классу [7, с. 159], «результат классификационной (таксономической) деятельности» [4, с. 307], т. е. обобщение, результат предельного абстрагирования чего-либо; а «языковая категоризация», следовательно, – это результат обобщения смыслов, сопровождающийся предельным отвлечением от видимой (ощутимой, сознаваемой) мотивации форм явлений/объектов/событий универсума. Языковая категоризация организует поле, где «категория» представляет собой когнитивно-

семиотический класс. Процесс «концептуализации», напротив, состоит в уточнении, конкретизации какого-либо значения, т. е. обращен к конкретным смыслам и формирует структуру сети, где концепты противопоставлены друг другу по какому-либо дифференциальному признаку, а сам концепт – это когнитивно-семиотическая единица. Оба процесса взаимосвязаны [4, с. 301], разворачиваются параллельно (что, возможно, и является причиной их смешения) и сопровождаются номинацией – знаковой «материализацией», языковой привязкой к телу знака – к слову [4, с. 321], т. е. означиванием, когда система выбирает форму (морфему, лексему) для воплощения семантемы грамматического или/и лексического содержания. Номинация представляет собой третью вершину когнитивно-семиотического треугольника (рис. 1).

Предлагаемая модель когнитивно-семиотического треугольника имеет определенное сходство с семантическим треугольником Г. Фреге [10, 13], где показано отношение языкового знака с материальным миром – с одной стороны, и с представлением о нем – с другой (рис. 2).

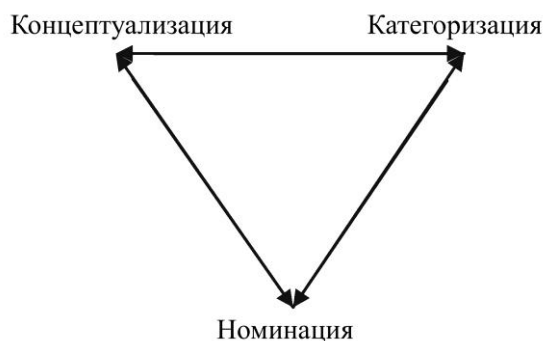

Рис. 1. Когнитивно-семиотический треугольник

Модель на рис. 1 обращена по преимуществу к системно-языковому представлению – результату осмысления и интерпретации явлений объективной действительности носителями языка. Если внести в модель когнитивно-семиотического треугольника познаваемый объект, то она примет 3D-форму тетраэдра, где «объект» займет позицию четвертой скрытой основанием треугольника вершины (рис. 3).

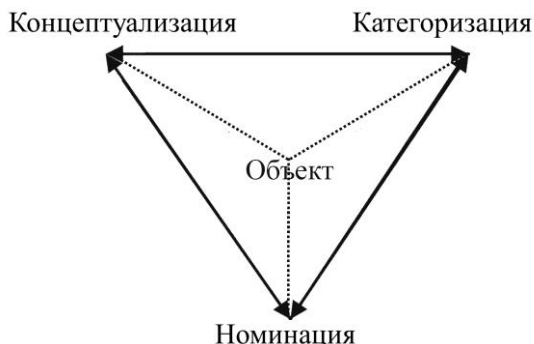

Рис. 3. 3D-модель когнитивно-семиотического треугольника

Категоризация универсума начинается с осознанного восприятия (на основе ощущений органами чувств) окружающего мира в единстве и совокупности всего его объективного содержания (природы, неживых и живых объектов), включая самого «субъекта категоризации», мыслящего себя частью окружающего мира в ряду прочих его объектов. Онтологические основания и принципы развития категоризации пространства по оси лица/персональности изложил известный отечественный ученый А.Ф. Лосев в своей знаковой монографии «Знак. Символ. Миф», где он описал дивившийся на протяжении сотен тысяч лет процесс:

от изначального представления в инкорпорированной картине мира, где «все во всем», когда бытует «понимание неодушевленного как одушевленного, безличностного как личностного» [5, с. 260–262], –

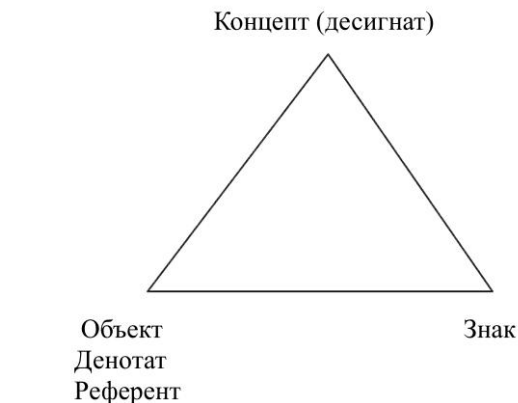

Рис. 2. Семантический треугольник Г. Фреге

через прономинальный строй, где субъект «слишком еще связан с объективным миром» и остается «чересчур малосамостоятельным» [5, с. 285–286], –

через посессивный строй, где «я», «ты», «мы», «вы» во многих отношениях «еще попросту тождественны со многими другими вещами и лицами», когда «человеческий индивидуум тоже зависел от окружающей среды и ощущал себя ее несущественным придатком» [5, с. 390–391], –

через эргативное мышление, в котором субъект «и действует, и является орудием высших сил», а объективный мир стал представляться человеку тоже состоящим из действующих субъектов, с которыми он связан и от которых он зависит [5, с. 393–394], –

к номинативному мышлению, «в котором субъект целиком отражен в мышлении так, что в нем ничего не оставлено слепо-чувственного, животного-инстинктивного и недифференцированного», где «грамматические категории суть орудия понимания», где обозначение лица есть понимание (и, следовательно, выражение) чего бы то ни было как лица, в силу чего безличные предложения морфологически и синтаксически тоже приспособились к номинативному строю [5, с. 339–354; 8, с. 268].

Многие идеи А.Ф. Лосева перекликаются с идеями, высказанными известным французским лингвистом Г. Гийомом (1883–1960), учеником А. Мейе, вице-президентом Французского лингвистического общества, «посвятившим всю свою жизнь тому, чтобы построить теорию, способную объяснить таинственные механизмы человеческой мысли, которые определяют речезыковую деятельность и управляют ею» [12, с. 7]. В частности, всю концепцию Г. Гийома пронизывает мысль о том, что изначальный и универсальный (ибо он остается в мышлении на протяжении всей истории его развития и свойственен всем современным языкам) способ категоризации Пространства порождает языковое представление об универсальном объекте, который он обозначил термином

Концептуализация и категоризация...

«объективное логическое лицо» («*personne d'univers*»). Объективное логическое лицо – это языковое воплощение обобщенного представления об окружающем мире, включающем все возможные потенциальные объекты живой и неживой природы. В языковом представлении оно репрезентируется через 3-е лицо ('оно'; 'это'; 'нечто'; 'все то, что...'), референция на которое («опора» – «*support*») определяет частеречную категоризацию и возможности актуализации языковой единицы в речи. «В сущности, – пишет Г. Гийом, – всегда и везде опорой является лицо, к которому относится значение, переданное словом. Слово же несет с собой понятие логического лица в той мере, в какой переданное значение несет с собой референцию на опору» [3, с. 123]. Так, третье лицо включает концептуальную семантическую схему имени существительного, в силу чего оно охарактеризовано Г. Гийомом как часть речи с внутренней инцидентностью – совпадением (динамическим объединением) в его частеречной семантике 3-го лица – «опоры» («*support*») и признака лица – «вклада» («*apport*»). Например, концептуальная семантическая схема существительного *красота* такова:

лицо (опора)	←	признак лица, значение (вклад)
<i>это, оно, нечто (есть)</i>		<i>красота</i>

[3, с. 122–123].

В общем смысле логическое лицо – это отсутствующее в речевой ситуации, но неизменно объективно присутствующее в языковом сознании 3-е лицо; на его фоне в процессе развития речемыслительных операций в онтогенезе и при актуализации языковых единиц и конструкций (семантем, морфем и моделей) в речи вычлняются 1-е и 2-е л., обозначающие участников речевого акта.

Категоризация универсума по оси лица тем или иным языком определяется целым рядом факторов, главным из которых является общее представление о мире, об отношении человек/универсум и человек/человек: осознание оппозиции живой/неживой природы, формирующее основу понятийной категории одушевленности/неодушевленности и каузирующее формирование категории лица/персональности и, как следствие, развитие оппозиции категориальных значений персональности/имперсональности.

Схожее мнение о статусе 3-го лица в системе языкового представления (концептуализации) категории лица/персональности высказывают отечественные и зарубежные лингвисты. Например (напомним), Э. Бенвенист, противопоставляя значения 1-го и 2-го лиц значению 3-го лица как собственно-личные несобственно-личным, отмечает, что 3-е лицо уже в силу своей структуры является «не-лицом» (у Г. Гийома – объективным, т. е. универсальным неперсональным лицом), что подтверждается материалом многих языков, где форма 3-го лица в парадигме местоимений отсутствует, а подлинная природа вы-

ражений типа лат. *tonat* или англ. *it rains* «заключается в том, что они определенно выражают процесс как протекающий вне отношения „я – ты“, то есть вне категорий, которые только и могут обозначать лица» [1, с. 254]. А.В. Бондарко характеризует категорию лица как грамматический центр поля персональности, сам по себе имеющий полевою структуру, в которой глагольные и местоименные формы 1-го и 2-го лица формируют ядро, окруженное формами 3-го лица, функционально обособленными от указания на участников акта речи. Следовательно, включает ученый, формы 1-го и 2-го лица представляют центральную сферу семантики персональности, а формы 3-го лица – «сферу, переходную от центра к периферии (при обозначении „третьих лиц“) и собственно периферийную (при обозначении предметов и при выражении безличности)» [2, с. 20].

Особенность концепции Г. Гийома в том, что исследователи, как правило, рассматривают 3-е лицо (лицо и не-лицо, главным образом – не-лицо, или – делокутивное, неперсональное лицо) как отсутствующее в речевой ситуации, а Г. Гийом – как постоянно и неизменно присутствующее в сознании говорящих, ибо именно оно является той «точкой», от которой (и на фоне которой) разворачивается актуализация значения лица в речевой ситуации. В языках, где представлена двоичная местоименная парадигма, сему 3-го лица способны включать все приглагольные местоимения, кроме приглагольных местоимений 1-го и 2-го лица (ср. фр.: *pois = я+он/они/вы; vous = ты+он/они*), и все самостоятельные местоимения, включая местоимения 1-го и 2-го лица (*moi = 'этот/некто есть я'; toi = 'этот/некто есть ты'*). В языках, способных выражать лицо формой глагольной флексии, сему третьего лица сохраняют также и (точней – хранят в глубинной семантике) личные местоимения 1-го и 2-го лица при их актуализации в обособленной позиции (ср. рус: *Я, буду молчать?!*), где их концептуально-семантическая структура разворачивается в модель *опора-вклад: 'это я (-то)'*, в силу чего данные местоимения способны формировать отдельную клаузу: *Я?! Буду молчать?!* Таким образом, если последовать за удачной идеей А.В. Бондарко и представить категорию лица в модели полевой структуры с позиции Г. Гийома, то 3-е лицо в ней будет не окружать 1-е и 2-е лица, а определять основу поля как целого, его исходную семантику, пронизывая поле категории лица как некое *εἶδος* – первооснова, сама исконная идея лица [8, с. 269]. В этой связи и в подтверждение данного предположения стоит привести интересный факт из истории формирования категории подлежащего во французском языке XIV–XVII вв.: устойчивое употребление безличного местоимения *il* в функции грамматического подлежащего в контактной препозиции к глаголу-сказуемому с отдельными исключениями наблюдается уже в XIV веке, тогда как в конструкциях с персональным значением позиция подлежащего

регулярно и без исключений оказывается заполненной местоимением 3-го л.ед.ч. *il* только к середине XVII века [9, с. 61]. Безличное *il* (от лат. *illum*) кодирует первичное (исходное) представление об окружающем мире и потому закрепляется в системе в качестве грамматической формы категории подлежащего гораздо раньше личного приглагольного местоимения *il* (от лат. *illus*).

Из современных отечественных ученых, концепция которых не только пересекается с идеями Г. Гийома, но и подтверждает их, назовем известного лингвиста В.А. Плуногяна, который ввел в лингвистическую науку понятия «универсального грамматического набора» и «ядра грамматической зоны», вокруг которой в системе любого языка формируются значения, требующие обязательного выражения лексическими или грамматическими средствами в зависимости от возможностей и состояния системы. В.А. Плуногян убедительно обосновывает существование универсальных значений, указывая на то, что «они не выдумка теоретиков, а отражение некоторых фундаментальных свойств человеческого языка», имеющих «вполне отчетливую когнитивную интерпретацию» [6, с. 9–11]. Можно с уверенностью утверждать, что универсальное логическое лицо как способ представления и основа языковой категоризации пространства входит в ядро семантической зоны универсального грамматического набора и получает в языках выражение грамматическими, лексическими и лексико-грамматическими средствами, неизменно подчиняясь при этом, говоря словами В.А. Плуногяна, «общим принципам» реализации языковых значений [6, с. 29]. Об общих принципах языкового семиозиса и решения поставленных перед языком задач писал и Г. Гийом [3]. Он ввел понятие «интуитивной механики», заключающей в себе подсознательное использование первичных (врожденных) способностей представления, которые в человеческом мышлении лежат в основе когнитивно-семиотической деятельности и которые не только опережают, но и предопределяют развитие рассудочной логики (лежащей в основе развития различных областей науки): «Великие законы представления, – писал Г. Гийом по этому поводу, – давшие нам такие науки как геометрия, механика и математика, действовали прежде всего в языке, и что если бы они не начали действовать прежде всего в языке, где находятся понятия, с помощью которых мы думаем, они не стали бы действовать нигде» [3, с. 148]. В решении поставленной однажды мыслью перед языками общей задачи Г. Гийом видит «знак универсальности» [14, с. 12], управляемый «семантическим давлением», воздействующим на весь язык – «нечто главным образом пассивное, но формально отмеченное единством цели» [14, с. 40–41].

Парадигма личных и приглагольных местоимений в языке йоруба представляет интерес с точки зрения выявления, с одной стороны, уни-

версальных способов членения (концептуализации) и пространственной категоризации универсума, а с другой – особого представления об окружающем мире, обусловленного национальной культурой и религиозным мировоззрением.

Система личных местоимений в йоруба представлена двумя парадигмами: парадигмой приглагольных (неэмфатических) и парадигмой самостоятельных (эмфатических) местоимений. Обе парадигмы активны не только в литературном языке йоруба, но и во всех его диалектах (табл. 1).

Таблица 1
Парадигмы личных местоимений в йоруба

Лицо	Эмфатические местоимения		Неэмфатические местоимения	
	Ед. ч.	Мн. ч.	Ед. ч.	Мн. ч.
1-е л.	<i>emi</i>	<i>awa</i>	<i>mo</i>	<i>a</i>
2-е л.	<i>owo</i>	<i>eyin</i>	<i>o</i>	<i>e</i>
3-е л.	<i>oun</i>	<i>awon</i>	<i>ó</i>	<i>wón</i>

Язык йоруба включает множество диалектов, которые могут значительно отличаться от стандартной формы языка. Однако все местоимения в йоруба употребляются и сохраняют свои формы во всех диалектических вариантах: одни и те же формы местоимений распространены с теми же функциями во всех диалектах языка без исключения.

Форма *wón* выделяется в парадигме личных местоимений тем, что наряду с функцией указания на порядковое лицо (3 л. мн.ч. 'они') она употребляется для обозначения обобщенно-неопределенного лица, в котором явно прослеживается значение совокупности неких одухотворяющих природу сил – с одной стороны, и самой окружающей живой природы – с другой. А. Севьерска справедливо отмечает, что стратегия кодирования неопределенно-личного значения посредством местоименной формы третьего лица множественного числа, являющаяся одним из двух основных стратегий кодирования неопределенно-личных конструкций в европейских языках, также распространена в африканских языках, в том числе и в языке йоруба, где неопределенно-личное местоимение 3-го лица множественного числа *wón* не имеет формы, отличной от определено-личного *wón* (Siewierska, 2008).

Рассмотрим несколько примеров.

Nígbà nàà ní ojú àwọn méjèjè sí là, wón sì mò pé àwọn wà ní ihòhò; wón sì rán ewé òpótó pò, wón sì fi bo ara wón [Iwe Genesisi 3:7]. Букв.: *Во время тогда глаза их обоих открылись, они понимать, что они есть в голый; они тогда шить листья фиг вместе они тогда использовать покрывать тела их. = 'И открылись глаза у них обоих, и узнали они, что наги, и шили смоковые листья, и сделали себе опоясания'.

Nígbà nàà ní gbogbo ará ilú nàà sì jáde wá pàdè Jesu. Nígbà tí wón sì rí i, wón bè é, kí ó ló kúrò ní

Концептуализация и категоризация...

agbègbè wọn [Iwe Matiu 8: 34]. Букв.: *Во время тогда есть весь люди город тот тогда выходить идти встретит Иисус; во время есть они видеть тогда его они просить его что он идти от пределов их. = 'И вот, весь город вышел навстречу Иисусу; и, увидев Его, просили, чтобы Он отошел от пределов их.'

В данных примерах местоимение *wọn* используется в функции не только личного местоимения: *wọn sì tọ*; *wọn sì rán*; *wọn sì fi*, но и притяжательного: *ara wọn*. Обращаем внимание, что местоимение *wọn* сохраняет одну и ту же форму в обоих случаях и только меняет высокий тон на средний, чтобы функционировать как притяжательное местоимение. Таким образом, обе формы местоимений отличаются друг от друга только по тону.

Анализ примеров из художественной литературы показывает, что местоимение *wọn* может употребляться в качестве субститута одушевленного или неодушевленного имени существительного, т. е. указывать на группу лиц или предметов и выполнять функцию подлежащего:

1. *L'órò kan, wọn ẹ̀ ẹ̀gbéyàwó n'ìgbà tí ó pé odún méjì gééré tí wọn tí n'fẹ́ 'ra wọn* [OO]. Букв.: *В слово один они делать свадьба во время который это достигать лет два ровно который они есть любить тела их. = 'Одним словом, они поженились после двух лет знакомства'.

2. *Wọn sàré gbé Joké lọ s'ilé iwòsàn tó ti n' ẹ̀ 'ìşé* [OO].

Букв.: *Они бегать носить Джокэ от на дом лечение который она есть делать работа. = Они отвезли Джокэ в больницу, где она работала.

Ó pé diẹ̀ , wọn yà bàrà kúrò lójú títi ọ̀lọ̀dà. [OLMD]. Букв.: *Это долго немного они повернуться резко от гудронированная дорога. = 'Спустя долгое время они резко свернули с просмоленной дороги'.

Bí wọn bá ti lọ láárò, ó di alé kí wọn tó dé [OO]. Букв.: *Если они будут есть уходить утром это становится ночь до они перед вернуться. = 'Они уходили по утрам, чтобы вернуться только ночью'.

Orisiirisii ileto ni o yi odo ayetoro ka. Wọn ko tobi pupo yato si ilubinrin ti awon olugbe re fere to egberun kan [OO]. 'Река Айеторо окружена множеством деревень. Они не такие большие, за исключением деревни Илубинрина, в которой проживало около тысячи жителей'.

Mo ri Femi ati Kemi n'ita, wọn n korin. 'Я видел Фемю и Кемю во дворе, они пели'.

3. В данных примерах местоимение *wọn* занимает позицию подлежащего и указывает на субъект действия.

С определенно-личным значением местоимение *wọn* может использоваться для вежливого обращения к одному лицу, подобно французскому *vous/tu*, немецкому *Sie/du* и русскому *Вы/ты*. В речи принадлежность адресата к единственному

или множественному числу можно определить только по контексту:

Mo ri iyá àgbà ní ànà. Wọn n lọ sí ojà alé [OLMD]. Букв.: *Я видеть мать старая вчера. Они есть идти в рынок вечерний. = 'Я видел бабушку вчера. Она шла по дороге на вечерний рынок'.

Местоимение *wọn* в данном примере является субституту имени существительного *iyá àgbà* 'бабушка'.

Ср. русское устаревшее: *Спроси у господина Иванова, не хочет ли он к нам присоединиться? – Нет, они (=он) не хотят.*

В следующем примере:

Wọn sàré gbé Joké lọ s'ilé iwòsàn tó ti n' ẹ̀ 'ìşé [OO]. Букв.: *Они бегать носить Джокэ от на дом лечение который она есть делать работа. = 'Они отвезли Джокэ в больницу, где она работала' – статус местоимения *wọn* по числу выявляется только из контекста: *Wọn sàré gbé Joké lọ s'ilé iwòsàn tó ti n' ẹ̀ 'ìşé*. Хотя в данном примере местоимение *wọn* переведено во множественном числе, его точное значение (единственное или множественное число) может быть установлено только в более широком контексте: женщина по имени Джокэ могла быть отведена в больницу несколькими лицами, или же одним человеком, к которому говорящий испытывает уважение.

В йоруба форма *wọn* – вариант местоимения *wón*, но со средним тоном – используется в функции прямого дополнения:

Femi ati Kemi da? 'A ẹ̀de ẹ̀de Femi u Kemi?' – Mo ri wọn nita. 'Я видел их во дворе'.

В данном примере местоимение *wọn* – это прямое дополнение глагола *ri* 'видеть'. Таким образом, формы *wón* и *wọn* актуализируются в разных функциях: *wón* – с субъектным, *wọn* – с объектным и притяжательным значением, что позволяет определить *wón* как форму субъектного (прямого) падежа, а *wọn* – как форму объектного (косвенного).

Местоимение *wọn* (средний тон) наряду с функцией дополнения также может использоваться с рефлексивным значением в качестве формального компонента в усилительной конструкции *funra l'ára wọn ni wọn* – букв.: *для тела в теле они = '/он/ сам (/она/ сама, /они/ сами)', употребляемой с целью подчеркнуть идентичность лица, совершающего действие:

Oluko funra l'ára wọn ni wọn se ise naa. Букв.: *Преподаватель для тела в теле они есть они делать работу ту = 'Преподаватель сам выполнил работу'.

Ogbeni Ade funra l'ára wọn ni wọn wa ko oja naa. Букв.: *Господин Аде для тела в теле они есть они приходят забрать товары те = 'Господин Аде сам пришел за товарами'.

Ср. аналогичный пример с отрицанием:

Ogbeni Akande funra l'ára wọn, wọn o je gba iru e. Букв.: *Господин Аканде для тела в теле они, они нет позволять принимать такой это. =

Господин Аканде *сам* никогда не допустил бы такого'.

Пример с вежливым *wón*:

Mámá àgbà fúnra l'ára wón ni wón sọ bẹ̀ẹ̀ [OLMD]. Букв.: *Бабушка для тела в теле они иметь они сказать так (вежливая форма) = 'Бабушка сама так сказала'.

В данных примерах заметно различие в функциях форм *wón* и *wón*: *wón* – подлежащее и субститут именных словосочетаний *Oluko, Ogbeni Ade, Ogbeni Akande, támá àgbà*; *wón* – формальный компонент с рефлексивным значением в усилительной конструкции *fúnra l'ára wón ni wón*.

Посредством местоимения *wón* может актуализироваться неопределенно-личное значение, указывающее на неопределенную группу лиц (людей), например:

Wón ni awón kan lo ba baba se ipade. Букв.: *Они имеют некоторые идти найти отец сделать собрание. = 'Говорят, что они (некоторые) ходили к отцу на собрание'.

В данном предложении хорошо различимы функции форм *wón* и *awón*, где *wón* употребляется в субъектной приглагольной функции (*Wón ni*), а *awón* занимает позицию синтаксически полноценного подлежащего.

Wón da aso naa ni pelebe. Букв.: *Они создать платье то в коротком. = 'То платье сделали коротким'.

Wón ni bí a re'bi tí a l'ówó l'ówó, ilé bàbá èni ní àà ko ọ̀là lọ. Букв.: *Они имеют если мы пойти куда-то и мы иметь деньги в руках дом отец человек есть мы собирать богатство идти. = 'Говорят, что если человек процветает вдали от дома, он должен принести свое богатство домой'.

В предложениях с местоимением *wón* с обобщенно-личным значением в функции подлежащего его можно заменить лексемами *onikálukú* 'каждый' и *enikéni* 'любой' без искажения общего смысла высказывания. Сравним:

Bí wón ti şe ñ gún iyán láti egbèta odún s'èhìn la şe ñ gun l'óni [EA] Букв.: *Как они есть толкать батат из триста лет назад есть мы толкать сегодня. = 'Как толкали батат триста лет назад, так и это делается сегодня'

→ *Bí enikéni ti şe ñ gún iyán láti egbèta odún s'èhìn la şe ñ gun l'óni*;

→ *Bí onikálukú ti şe ñ gún iyán láti egbèta odún s'èhìn la şe ñ gun l'óni*.

Bí wón ti şe ñ ro okà láti èdégbèfà oşu la şe ñ ro okà [EA] Букв.: *Как они есть перемешивать ока из шестьсот месяц назад есть мы перемешивать сегодня. = 'Ока по-прежнему готовится так же, как и шестьсот лет назад'

→ *Bí enikéni ti şe ñ ro okà láti èdégbèfà oşu la şe ñ ro okà*;

→ *Bí onikálukú ti şe ñ ro okà láti èdégbèfà oşu la şe ñ ro okà*.

В силу того, что в семантику местоимения *wón* входит значимый компонент обобщенно-

личного значения, оно широко используется в пословицах как актуализатор обобщения, указывая на универсальность выраженных в пословице утверждений. Такие конструкции с местоимением *wón* с обобщенно-личным значением часто представляют собой пословицы, поговорки, афоризмы, содержащие нравоучения и общеизвестные истины. Приведем несколько примеров устойчивых выражений, в которых актуализирован смысл:

'Не следует переоценивать свои способности' – *Wón ñ re gbènágbèná eýe akókó ñ yó'jú* [YR]. Букв.: *Они звать плотник птица дятел показать лицо. = 'Требуется плотник, а появляется дятел'.

'Не следует тратить усилия на приобретение вещей, которыми нельзя пользоваться' – *Wón ní, Afójú, o ò tanná alé".Ó ní àt 'òsán àt'òru, èwo l'òún rí nibe?* [YR]. Букв.: *Слепому говорили: «ты не зажег лампу». Он спрашивал, ночью или днем, что бы заметили его глаза?

'Нужно всегда настаивать на положительном доказательстве' – *Wón ní, «Afójú, otọ re peran». Ó ní «kò dá òun lójú, àfi bí òun bá tọ wò»* [YR] Букв.: *Слепому говорили: «Слепой, твой сын убил дичь». Он отвечает, что не может поверить им, пока не попробует мясо.

'Есть люди, которые не изменят свой курс, пока не будут опозорены' – *Àjàrà ñ lọ si àjò, wón ni ìgbà wo ni yóò dé , ó ní ó dí ìgbà tí òún bá té .* Букв.: *Черепаша уйти в путешествие, они имеют время какое есть будет прийти, то иметь это становиться время который она будет позориться. = 'Черепаша отправляется в путешествие и, когда ее спрашивают, когда она вернется, отвечает, что это будет после того, как она заслужит позор'.

'Человек, которому суждено страдать, сумеет поддаться страданию, несмотря на усилия других спасти его' – *Orí tí yóò jẹ igún kì í gbò ; bí wón fun ní adìe kò ní gbà*. Букв.: *Голова, который будет съесть грифа нет слушать; если они давать есть курица он не будет согласен. = 'Голову, предназначенную на съедение грифа, спасти нельзя; если ему предложат курицу, он откажется'.

Главная особенность местоимения *wón* в языке йоруба в том, что оно может быть десигнатором не только определенной или неопределенной группы людей, но и неопределенно-обобщенных, иногда – обобщенно-определенных сил природы, которые в различных жизненных ситуациях могут мыслиться реальными, наделенными властью над человеком существами. В контексте национальной культуры квази-безличный субъект, обозначенный местоимением *wón*, не является расплывчатым – он вполне определен и его значение точно, уникально и знакомо народу йоруба. В значительной степени *wón* в йоруба гораздо эксплицитней выражает значение универсального логического лица (*personne universelle*), чем неопределенно-личные, обобщенно-личные или безличные местоимения

Концептуализация и категоризация...

других языков: в представлении носителей культуры и языка йоруба практически все события в жизни человека и его рода управляются некими высшими силами, как невидимыми и неразличимыми, так и конкретными и мысленно узнаваемыми. Для народа йоруба весь окружающий мир одухотворен, вся природа живая, населена как дружелюбными, так и враждебными существами, буквально пронизана животворящими силами, где «все во всем» (выражение А.Ф. Лосева), включая человека. Почти каждый аспект жизни у народа йоруба имеет духовные коннотации, и нередко люди приписывают свои проблемы могущественным темным силам, что отражено в традиционной мифологии народа йоруба, наполненной сказаниями о колдовстве и черной магии.

В мифологии йоруба существует 401 божество, каждое со своей силой и кодексом правил. Между ними и поклоняющимися им адептами устанавливаются сложные взаимоотношения с многочисленными табу, ритуалами и обрядами, не допускающими отклонений от них, влекущих гнев и наказание. Чтобы повзрослеть (окрепнуть духом) и исполнить свое предназначение, нужно быть всегда настороженным и недоверчивым к другим, ибо *'ifura ni oogun agba'* *'бдительность – главное вооружение взрослого'*: человек не может достичь статуса *agba* (букв. *'взрослый'*), не заботясь о том, чтобы перехитрить многочисленные враждебные силы, создающие препятствия на пути к взрослению и благополучию. Культура йоруба хранит тесную взаимосвязь между наполненными мистикой религиозными убеждениями и повседневной общественной жизнью, что находит отражение в системе языка, где местоимение *wón* кодирует скрытое присутствие неизвестного и страх народа йоруба перед намеренным или невольным отклонением от predetermined (праведного) пути на земле.

Традиционная религиозная мысль у народа йоруба основана на идее о трех существенных стремлениях для человека во время его пребывания на земле, что экслицитно выражено в следующем отрывке из молитвы:

'Ire meta lawa n wa. Мы желаем трех вещей.
Awa n wowo. Мы желаем денег.
Awa n womo. Мы желаем детей.
Awa n wowo Мы желаем вечной жизни'
watubotan aye'

[17, с. 27].

Предполагается, что человек затрудняется в своих попытках достичь этих жизненных целей из-за злонамеренных сил, которые всегда готовы и стремятся только к тому, чтобы этому помешать. Следовательно, человеческая жизнь у народа йоруба – это бесконечная борьба с невидимыми, но всегда присутствующими и крайне могущественными темными силами.

Одна из главных идей религиозной мысли народа йоруба – идея о том, что в основе существ-

вующего мира лежат противоположные силы (табл. 2).

Таблица 2

«+»	«-»
добро	зло
духовное	материальное
верхнее	нижнее
переднее	заднее
правое	левое

Для того чтобы реализовать свой потенциал и актуализировать свою судьбу, которая в представлении народа йоруба была выбрана человеком по его пути к земле, он должен уметь не только управлять этими противоположностями, но и обеспечивать равновесие между ними. Местоимение *wón* может стать десигнатором как добрых, так и злых сил, являясь своего рода знаком их взаимодействия и пересечения – точкой выбора (на сторону добра или зла), определяющей потенциальную возможность и способность человека достичь достойной жизни на земле. Согласно космологии народа йоруба, человек является отдельным индивидуумом, выбирающим свой жизненный путь с помощью своего *ori* (букв. *'голова'*) или *ayanfo* (букв. *'судьба'*) под воздействием различных сил, из которых одни являются добрыми, другие – враждебными, многие – амбивалентными. Человек должен стремиться к тому, чтобы умиротворить эти силы и склонить их на свою сторону при соперничестве с врагами в человеческом обществе, поскольку к враждебным силам относятся прежде всего *eniyàn* (букв. *'человек'*) и *ajogún* (*'ведьмы'*), которые представляют собой олицетворение сплошного зла: смертей, потерь, болезней и т. п. [11, с. 29]. Все характерные черты, определяющие человека – личность, идентичность, его судьбу и природу, – остаются такими, какими их выбрал его *ori* изначально. Однако актуализация потенциалов *ori* на земле не гарантирована, ибо на судьбу человека могут повлиять другие люди, которые хотели бы заменить свою несчастную судьбу на удачу других людей, т. е. украсть успешную жизнь другого человека. Кроме того, судьба человека также может быть подвержена влиянию нечестивой деятельности *aye* (букв. *'мир'*), то есть общего и вездесущего бытия ведьм и колдунов [15, с. 42], смысл существования которых заключается в том, чтобы разрушить счастье человека. По сути *AYE* – это и есть обобщенный квази-безличный (вселичный) десигнат, десигнатором которого является местоименная форма *wón*. При актуализации местоимения *wón* с квази-безличным значением, позволяющим кодифицировать одушевленные силы зла, оно становится эвфемистическим приёмом для обозначения этих грозных сил – видимых и невидимых, но хорошо ощущаемых врагов, с которыми вынужден бороться человек. Именно представления об этих реальных для

народа йоруба существа составляют основу десигнатов местоимения *wón* в выражениях типа:

wón lo oṣi e – букв.: *они его/ее голову использовали = 'они украли его судьбу', а именно: 'его судьба украдена';

wón ra kadara e da – букв.: *они убьют судьбу его пролить = 'они испортили ее/его удачу', а именно: 'его/ее удача испорчена'.

В данном случае *wón* – это обобщенно-личные (вселичные) силы-существа, помогающие некоему человеку причинять неудобства другому человеку. Бытующие в коллективном сознании носителей культуры народа йоруба силы-существа полностью управляют людьми во всех сферах их жизни, особенно в том, что касается интерпретации и решения проблем: поскольку ничего никогда не происходит просто так и без причины, для каждого несчастного случая должен быть найден виновник. Следовательно, любой, чей внешний вид, поведение или мысли кажутся отклоняющимися от общепринятых, воспринимается с опаской и подозревается как возможное олицетворение *wón*. В таком контексте местоимение *wón* становится десигнатором квази-безличной, коварной и могущественной силы (≈ 'зло'), вера в существование которой отражена в часто употребляемых молитвенных выражениях [16, с. 11]:

Wón o ni rí e ti o! Букв.: *Пусть они никогда тебя не поймут = 'Пусть ты будешь недостижим для сил зла', точнее: 'Быть тебе недостижимым для зла';

Wón o ni r'idi wa o! Букв.: *Пусть они никогда нас не одолеют = 'Пусть мы будем неуязвимы для сил зла', точнее: 'Быть нам неуязвимыми для зла'.

В данных примерах местоимение *wón* приобретает значение, близкое к безличному, и только сема одушевленности препятствует оттеснению *wón* по оси лица в крайнюю (предельную) позицию не-лица.

С похожим значением местоимение *wón* используется также в вопросительном обороте *Se wón ... ni?* ('что ли?'), где оно становится почти формальным:

Se wón ran e si mi ni? Букв.: *Разве они послать тебя на меня имеют? или: *Тебя ко мне послали что ли? = 'Почему ты ко мне пристаешь?'

Системный потенциал местоимения *wón*, позволяющий ему актуализироваться с предельным обобщенно-личным – квази-безличным – значением, заметно оттесняет его по оси персональности/имперсональности в позицию имперсональности. Однако то, что местоимение *wón* сохраняет сему одушевленности, не позволяет ему полностью утратить значение персональности.

Тем не менее, несмотря на явные отголоски эргативного мышления, в котором субъект и действует, и является орудием высших сил, развитая система личных местоимений в йоруба (см. табл. 1) свидетельствует о не уступающей современным европейским языкам категоризации и концептуа-

лизации универсума, в котором человек, во-первых, осознает себя действующим субъектом (см. представление 1-го л. двумя формами – приглагольной и самостоятельной), во-вторых – противопоставляет себя окружающему миру (см. развитую двоичную систему форм 2-го и 3-го л.). Однако внешний мир воспринимается народом йоруба также состоящим из множества субъектов, с которыми он связан отношениями зависимости. Они-то и обозначены в системе языка (номинарованы) посредством местоименной формы *wón*, широко распространенной в рече-языковом поведении носителей языка йоруба и способной актуализировать определившиеся национальным мировоззрением значения, изучение которых позволяет ответить на вопрос, как и почему народ йоруба получает референциальную определенность от этого «неопределенно-личного» местоимения.

Система местоимений в языке йоруба с двоичной парадигмой субъектных форм, противопоставленных объектным формам, свидетельствует о полноценном представлении Пространства: о разветвленной концептуализации пространственных объектов и о развитой их категоризации. Местоимение *wón* как когнитивно-семиотическая единица (концепт) являет собой результат концептуализации представления о множестве объектов всего окружающего универсума – одухотворенного в представлении народа йоруба и повсеместно населенного живыми видимыми и невидимыми силами и существами, в оппозиции с которым (и с которыми) состоит прежде всего сам мыслящий субъект. Для народа йоруба весь окружающий его мир – живой, включая предметы, которые тоже мыслятся потенциально одушевленными, поскольку могут оказывать влияние на повседневную жизнь человека. Статус формы *wón* (имени, знака языка) в поле категории лица/персональности – десигнатор одухотворенных и потенциально одушевленных «объективных лиц» в силу того, что *wón* способно актуализироваться с квази-безличным значением и кодировать одновременно неисчислимое множество окружающих «объектов-лиц»; в парадигме лиц – 3-е лицо множественного числа (рис. 4).

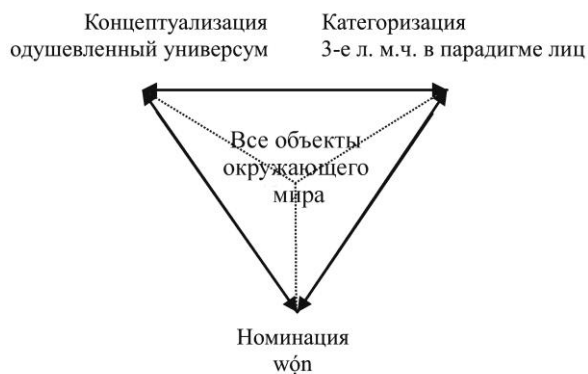

Рис. 4. Местоимение *wón* в 3D-модели когнитивно-семиотического треугольника

Концептуализация и категоризация...

В концептуальной сети местоимение *wón* с обобщенно-личным значением составляет оппозицию местоимению *a* (1-е л. мн.ч.: см. табл. 1) по признаку «весь одухотворенный мир – человек (люди)», поскольку местоимение *a* может быть десигнатором только обобщенного круга лиц (людей, человека вообще), но не мира в целом ср.:

Pé ni a ñ wò kí a tó s'òtò l'órúko [ОМ]. Букв: *Дом это мы смотрим до мы будем давать ребенку имя. = 'Имя новорожденного **выбирают** именно по семейным обстоятельствам'.

Местоимение *wón* с квази-безличным значением по признаку 'одушевленности – неодушевленности' состоит в оппозиции с местоимением *ó* (3-е л. ед. ч.: см. табл. 1) – единственным в местоименной парадигме йоруба, способным употребляться с безличным значением, в силу

чего оно широко используется в качестве формального подлежащего в безличных предикативных конструкциях типа:

ó şe/ ó yá = 'и вот так получилось';
или: *ó sì şe/ ó sì yá* = 'и это сбылось'.

Итак, универсальные значения неопределенного, обобщенного и условно –безличного (квази-безличного) субъекта входят в ядро семантической зоны универсального грамматического набора. Категоризация и концептуализация этих значений посредством местоимения *wón* в языке йоруба отражает, с одной стороны, фундаментальные свойства человеческого языка, решающего когнитивно-семиотическую задачу осмысления и языкового представления пространства, с другой – уникальную культуру отношений народа йоруба с окружающим миром.

Литература

1. Бенвенист, Э. Общая лингвистика / Э. Бенвенист. – М.: Прогресс, 1974.
2. Бондарко, А.В. Персональность. Теория функциональной грамматики / отв. ред. А.В. Бондарко. – СПб.: Наука, 1991. – С. 5–40.
3. Гийом, Г. Принципы теоретической лингвистики / Г. Гийом. – М.: Прогресс, 1992.
4. Кубрякова, Е.С. Краткий словарь когнитивных терминов. Хрестоматия по общему языкознанию / Е.С. Кубрякова. – М.: Изд-во «МГИМО-Университет», 2018. – С. 297–333.
5. Лосев, А.Ф. Знак. Символ. Миф / А.Ф. Лосев. – М.: Изд-во Московского университета, 1982.
6. Плунгян, В.А. Грамматические категории, их аналоги и заместители: автореф. дис. ...д-ра филол. наук. – М., 1998.
7. Психология. Словарь / отв. ред. А.В. Петровский, М.Г. Ярошевский. – М.: Изд-во политической литературы, 1990.
8. Турбина, О.А. Языковое представление пространства по оси лица: Концептуализация и категоризация // Когнитивные исследования языка. – 2021. – 3 (46). – С. 267–270.
9. Турбина, О.А. История формирования французского классического предложения / О.А. Турбина. – Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2023.
10. Фреге, Г. Смысл и денотат / Г. Фреге // Семиотика и информатика. – М., 1997. – Вып. 35. – С. 351–379.
11. Barber, K. How man makes God in West Africa: Yoruba attitude towards the Orisa / K. Barber // Africa. – 1981. – Vol. 51, No. 3. – P. 724–745.
12. Cornillac, G. Gustave Guillaume. Carnets d'un linguiste. Chambéry: Éditions Comp'Act. 2006.
13. Frege, G. Über Sinn und Bedeutung / G. Frege // Zeitschrift für Philosophie und philosophische Kritik. – Leipzig, 1892. – S. 24–50.
14. Guillaume, G. Le problème de l'article et sa solution dans la langue française. Ouvrage couronné par l'Institut (Prix VOLNEY) / G. Guillaume. – Paris: Librairie Hachette et Cie, 1919.
15. Heim, I. File change semantics and the familiarity theory of indefiniteness / I. Heim // In Meaning, use and the interpretation of language. – Berlin: Walter de Gruyter, 1983. – P. 164–189.
16. Lawuyi, O.B. The world of the Yoruba taxi driver: An interpretive to vehicle slogans / O.B. Lawuyi // Africa. – 1988. – Vol. 58, no. 1. – P. 1–13.
17. Opefeyitimi, A. Iwure: Medium of communicating the desires of men to the gods in Yoruba land // Journal of Religion in Africa. – 1988. – Vol. 18, no. 1. – P. 27–41.

Принятые сокращения использованной литературы для анализа

Iwe Genesisi – *The Bible Society of Nigeria Bibéli Mimó. The Bible Society of Nigeria*. Yoruba Bible Edition (Crowther) with Section Headings, 1884.

Iwe Matiu – *The Bible Society of Nigeria Bibéli Mimó. The Bible Society of Nigeria*. Yoruba Bible Edition (Crowther) with Section Headings, 1884.

- EA – Ogunniran L. *Eegun Alare*. Yaba, Lagos: Macmillan Publishers, 1972.
OLMD – Olabimtan A. *Oluwa lo Mejo Da*. Lagos: Macmillan Publishers, 1966.
OO – Adisa D.O. *Olu Omo*. Ibadan: Lushena Books, 1992.
YP – Owomoyela O. *Yoruba Proverbs*. Lincoln and Londo: University of Nebraska Press, 2005.

Турбина Ольга Александровна, доктор филологических наук, профессор кафедры лингвистики и перевода, Южно-Уральский государственный университет, Челябинск, Россия, turbina371@mail.ru

Ифатуроти Адебойе Олувасеун, преподаватель, кафедра европейских языков, Лагосский университет, Акока, Нигерия, deboye@hotmail.co.uk

Поступила в редакцию 15 января 2023 г.

DOI: 10.14529/ling230302

CATEGORIZATION AND CONCEPTUALIZATION OF PERSON/PERSONALITY MEANINGS THROUGH THE YORUBA PRONOUN *WỌN*

O.A. Turbina¹, turbina371@mail.ru

A.O. Ifaturoti², deboye@hotmail.co.uk

¹ South Ural State University, Chelyabinsk, Russia

² University of Lagos, Akoka, Nigeria

The article is devoted to the analysis of the cognitive-semiotic status of the pronoun *wọn* in the Yoruba language system. The authors note that, in the pronominal paradigm, *wọn* occupies the position of the non-emphatic form of the 3rd person plural paired with the emphatic form *awọn*. In opposition to the latter, *wọn* essentially performs the function of a verbal marker of the person, that is why in the sentence it specializes in expressing the grammatical category of the subject, irrespective of the volume of the meaning of personality/impersonality referred to the subject-person. The authors analyze the nature and functions of the pronoun *wọn* based on the concept of a universal person, which is a linguistic embodiment of a generalized idea of the world around, including all possible potential objects of animate and inanimate nature. In the linguistic representation, it is manifested through the 3rd person ('it'; 'this'; 'something'; 'everything that ...'), the reference to which determines not only the part of speech categorization, but also a possibility to actualize the linguistic units in speech. The article shows that the pronoun *wọn* in the Yoruba language, including the meaning of the universal person, is a part of the semantic core of the universal grammatical set. The authors point to the main feature of the pronoun *wọn* in the Yoruba language, which lies in the fact that it can be a designator not only of a definite or indefinite group of people, but also of indefinitely generalized and, sometimes, definitely generalized forces of nature, which in various life situations can be thought of as real beings endowed with power over man. In the field of the category of person/personality and in the paradigm of persons, the pronoun *wọn* is a designator of spiritualized "objective persons", due to the fact that it can be actualized with a quasi-impersonal meaning and can concurrently encode an innumerable multitude of surrounding "object-persons".

Keywords: Yoruba language, pronoun *wọn*, categorization, conceptualization, nomination, universal person, principles of universal meaning manifestation

References

1. Benvenist E. *Obshchaya lingvistika* [General Linguistics]. Moscow: Progress, 1974.
2. Bondarko A.V. *Personal'nost'. Teoriya funktsional'noy grammatiki* [Personality. Theory of Functional Grammar]. Ed. A.V. Bondarko. St. Petersburg: Nauka, 1991, pp. 5–40.
3. Giyom G. *Printsiipy teoreticheskoy lingvistiki* [Principles of Theoretical Linguistics]. Moscow: Progress, 1992.
4. Kubryakova E.S. *Kratkiy slovar' kognitivnykh terminov. Khrestomatiya po obshchemu yazykoznaniyu* [Short Dictionary of Cognitive Terms. Reading book of General Linguistics]. Moscow: Izdatel'stvo «MGIMO-Universitet», 2018, pp. 297–333.
5. Losev A.F. *Znak. Simvol. Mif* [Sign. Symbol. Myth]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1982.

Концептуализация и категоризация...

6. Plungyan V.A. *Grammaticheskie kategorii, ikh analogi i zamestiteli*. Avtoref. dis. dokt. filol. nauk. [Grammatical Categories, its analogues and substantives. Abstract of Cand. diss.]. Moscow, 1998.
7. *Psikhologiya. Slovar'* [Psychology. Dictionary]. Ed. A.V. Petrovskiy, M.G. Yaroshevskiy. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1990.
8. Turbina O.A. Yazykovoe predstavlenie prostranstva po osi litsa: Kontseptualizatsiya i kategorizatsiya [Language Presentation of Space along the Axis of Person. *Kognitivnye issledovaniya yazyka* [Cognitive Studies of Language], 2021, 3 (46), pp. 267–270.
9. Turbina O.A. *Istoriya formirovaniya frantsuzskogo klassicheskogo predlozheniya* [The History of the French Classical Sentence]. Chelyabinsk: South Ural St. Univ. Publ., 2023.
10. Frege G. Smysl i denotat [Meaning and Denotation]. *Semiotika i informatika* [Semiotics and Informatics]. 1997. 35. Moscow, 1997, pp. 351–379.
11. Barber K. How man makes God in West Africa: Yoruba attitude towards the Orisa. *Africa*. 1981, vol. 51, no. 3, pp. 724–745.
12. Cornillac G. *Gustave Guillaume. Carnets d'un linguiste*. Chambéry: Éditions Comp'Act. 2006.
13. Frege G. *Über Sinn und Bedeutung*. *Zeitschrift für Philosophie und philosophische Kritik*. Leipzig, 1892. S. 24–50.
14. Guillaume G. *Le problème de l'article et sa solution dans la langue française. Ouvrage couronné par l'Institut (Prix VOLNEY)*. Paris: Librairie Hachette et Cie, 1919.
15. Heim I. *File change semantics and the familiarity theory of indefiniteness*. In *Meaning, use and the interpretation of language*. Berlin: Walter de Gruyter, 1983, pp. 164–189.
16. Lawuyi O.B. The world of the Yoruba taxi driver: An interpretive to vehicle slogans. *Africa*, vol. 58, 1988, no. 1, pp. 1–13.
17. Opefeyitimi A. Iwure: Medium of communicating the desires of men to the gods in Yoruba land. *Journal of Religion in Africa*, 1988, vol. 18, no. 1, pp. 27–41.

Olga A. Turbina, Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Linguistics and Translation, South Ural State University, Chelyabinsk, Russia, turbina371@mail.ru

Adeboye O. Ifaturoti, lecturer, Department of European Languages, University of Lagos, Akoka, Nigeria, deboye@hotmail.co.uk

Received 15 January 2023

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Турбина, О.А. Категоризация и концептуализация значений лица/персональности посредством местоимения *wón* в языке йоруба / О.А. Турбина, А.О. Ифатуроти // Вестник ЮУрГУ. Серия «Лингвистика». – 2023. – Т. 20, № 3. – С. 12–22. DOI: 10.14529/ling230302

FOR CITATION

Turbina O.A., Ifaturoti A.O. Categorization and conceptualization of person/personality meanings through the yoruba pronoun *wón*. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Linguistics*. 2023, vol. 20, no. 3, pp. 12–22. (in Russ.). DOI: 10.14529/ling230302